

Л. Г. Мальшева

ГЕРМАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА 1840–50-Х ГОДОВ (К ВОПРОСУ О «ЛИШНИХ ЛЮДЯХ»)

На материале произведений И. С. Тургенева 1840–50-х гг. рассматривается вопрос о формировании типа «лишнего человека» в русской литературе. Одним из важнейших источников его становления является пребывание большинства «лишних людей» в Германии, глубокое усвоение ими немецкой культуры, прежде всего немецкой классической философии, питавшей русскую философскую мысль в течение всего XIX в.

Ключевые слова: «лишние люди», становление личности, немецкая культура, образы немцев и Германии.

Тема «лишнего человека» в русской литературе первой половины XIX в., в том числе и в творчестве И. С. Тургенева, в настоящее время исследована достаточно основательно. «Лишние люди» от Онегина до Рудина давно перестали быть лишними в нашем сознании; напротив, в них и для читателей и для литературоведов наибольшее значение теперь имеют их несомненные достоинства, такие как всесторонняя образованность, чувство интеллектуального и нравственного превосходства над окружающей средой, самокритичность, желание быть полезными в своем отечестве, сознание трагической несостоятельности собственной судьбы. Большое значение имеет и попытка ученых определить причины духовного кризиса «лишних людей», свойственных им скептицизма и разлада между словом и делом. По общему мнению, главной из них является общественная ситуация, господствующая в России до середины XIX в. К числу этих причин, на наш взгляд, следует также отнести и пребывание большинства «лишних людей» в Германии, всестороннее усвоение ими немецкой культуры, прежде всего немецкой философии, питавшей русскую философскую мысль в течение всего XIX в.

Немецкой культуре, без сомнения, принадлежит одно из первых мест среди факторов, повлиявших на становление личности русского писателя. П. В. Анненков в «Литературных воспоминаниях» приводит следующие слова Н. И. Греча, сказанные им в 1840 г.: «Не Франция, а Германия сделалась теперь рассадником извращенных идей и анархии в головах. Нашей молодежи следовало бы запрещать ездить не во Францию, а в Германию, куда ее еще нарочно посылают учиться. Французские журналисты и разные революционные фантазеры – невинные ребята в сравнении с немецкими, их книгами и брошюрами» [1, с. 175]. К судьбе и творчеству Тургенева, к судьбам многих других образованных русских людей того времени слова Греча имеют самое прямое отношение. Немецкая философия и наука, немецкая литература и музыка притягивали к себе мыслящих русских дворян, прогрессивную разночинную интеллигенцию, что запечатлела русская литература XIX в. «Он из Германии туманной привез учености плоды...» – эти слова А. С. Пушкина, сказанные им о Ленском, герое романа «Евгений Оне-

гин», являются ключевыми для характеристики русской дворянской интеллигенции первой половины XIX в., определяющими ее трагическую судьбу [2, с. 33].

Учитель-немец в детские годы, пребывание в пансионах Вейденгаммера и Краузе, знание немецкого языка, Московский и Петербургский университеты, где возникли интерес И. С. Тургенева к немецкой философии, а затем и потребность в получении специального философского образования, заставившая его отправиться в Берлин, – вот неполный перечень причин, определивших то большое место, которое заняли в жизни и творчестве писателя Германия и ее культура. Нырнув в «немецкое море», а затем вынырнув из его волн, он, по его признанию, «очутился “западником” и остался им навсегда» [3, т. 11, с. 8]. Настоящая дружба Тургенева с М. Бакуниным, Т. Грановским, Н. Станкевичем началась в Берлине. Посещая салон Е. Фроловой, Тургенев и его друзья имели возможность познакомиться с А. фон Гумбольдтом, Ф. Мендельсоном-Бартольди, Беттиной фон Арним, Генриеттой фон Зольмер, Варнгагеном фон Энзе и другими представителями немецкой культуры 1830–40-х гг. Со временем его связи с Германией и ее культурой становятся по-настоящему глубокими и многосторонними. Германия, в сущности, стала его второй Родиной, в чем он признавался и сам. «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не чтить ее как мое второе отечество», – писал он на склоне лет [3, т. 10, с. 351]. «Он был необыкновенно хорошо знаком со всем, что составляет духовное достояние Германии, – писал о Тургеневе П. Д. Боборыкин, – прекрасно говорил по-немецки, и из всех мне известных писателей он только овладел всесторонне знакомством с немецкой образованностью... в Тургеневе искреннее признание всех достоинств немецкой нации делало его не только беспристрастным, но и безусловным сторонником немцев во всем, чем они выше нас. Каких-нибудь выходов в русском вкусе насчет “немчуры”, вероятно, никто от него не слышал» [4, с. 354]. Живя в Германии, общаясь с деятелями ее культуры, ее народом, Тургенев, вольно или невольно, сравнивал ее со своей Родиной, внимательно присматриваясь к тому, что происходило в России, к ее насущным потребностям.

Образы Германии и немцев в творчестве И. С. Тургенева стали объектом исследования ряда отечественных ученых. Внимание исследователей чаще всего привлекают такие популярные произведения писателя, как повести «Ася» и «Вешние воды», действие которых происходит в Германии. Однако немецкая тема возникает в творчестве Тургенева не только в виде места действия, но и как размышления героев о немецкой философии и науке, чтение немецкой поэзии и прозы, их обращение к произведениям немецких композиторов. Немецкие персонажи в его произведениях помогают русским героям лучше понять трагизм своего существования в бесправной России, способствуют более глубокому раскрытию сложного идейного замысла его повестей и романов. Немцы появляются в произведениях Тургенева и других русских писателей чаще всего как часть русского быта, в который они привносят высокую духовность, нравственную чистоту, знание немецкой классической философии, литературы и музыки, – все то, что было связано с представлением Тургенева о Германии. «Тургеневу была ближе Германия его молодости, “страна поэтов и мыслителей”», – справедливо отмечают в своей статье Р. Ю. Данилевский и Г. А. Тиме [5, с. 95]. Это Кистер в «Бретере», Рикман в «Дневнике лишнего человека», Шimmel в «Фаусте», фрау Луизе в «Асе», наконец, это Лемм в «Дворянском гнезде». В то же время в произведениях писателя, в том числе и названных выше, упоминаются и другие немцы, филистеры по преимуществу, что свидетельствует о хорошем знании им немецкого национально-характера и объективном его изображении.

Образ Германии, постоянно присутствующий в памяти Тургенева, помогал ему в постановке и решении проблем русской действительности. К числу таких проблем принадлежит, в частности, проблема «лишнего человека» в его творчестве, впервые заявленная им в конце 1840-х гг. и сохранившая свою актуальность до конца 1850-х гг.

Первым произведением писателя о «лишних людях» справедливо считается очерк «Гамлет Щигровского уезда», опубликованный в 1849 г. и включенный в цикл «Записки охотника». В то же время это одно из первых художественных произведений Тургенева, в которых возникает образ Германии и ее культуры, сыгравшей не последнюю роль в трагедии, переживаемой героем очерка Василием Васильевичем, назвавшим себя Гамлетом Щигровского уезда. Не только исповедь героя, но и содержание очерка, предшествующее описанию встречи Василия Васильевича с рассказчиком, имеют непосредственное отношение к пониманию идейного замысла произведения Тургенева. В начале очерка писатель создает целую галерею сатирических образов дворян, военных и штатских, уездных чиновников, собравшихся в доме Александра Михалыча Г. Среди них он выделяет некоего «бакенбардиста» Войницына, отличающегося

крайней бездуховностью и отсутствием каких бы то ни было способностей, местного «остряка» Лупихина, сановника, любая глупость которого приводит в умиление присутствующих. Лишь разочарование и скуку способно вызвать такое общество. «Кое-как дождался я вечера и, поручив своему кучеру заложить мою коляску на другой день в пять часов утра, отправился на покой, – пишет рассказчик. – Но мне предстояло еще в течение того же самого дня познакомиться с одним *замечательным* человеком» [3, т. 3, с. 256] (выделено нами. – Л. М.). Им оказывается один из гостей Александра Михалыча, назвавший себя Василием Васильевичем, ничем не выделяющийся среди окружающих его лиц, никем незамеченный, в том числе и рассказчиком. Как признается Василий Васильевич, он сознательно стремится быть незамеченным, «прячется за других, ни с кем не разговаривает» [3, т. 3, с. 257].

Вступив в беседу с незнакомым человеком, почувствовав к нему расположение, он раскрывает ему всю драму своей души. Уже в самом начале беседы Василий Васильевич хочет показать, что он не обычный помещик, каких много среди собравшихся в доме Александра Михалыча гостей, «не степняк», а человек, по своему интеллектуальному уровню равный собеседнику. «Во-первых, я говорю по-французски не хуже вас, а по-немецки даже лучше, – обращается он к рассказчику, – во-вторых, я три года провел за границей: в одном Берлине прожил восемь месяцев. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гёте наизусть; сверх того, я долго был влюблен в дочь германского профессора и женился на чахоточной барышне, лысой, но весьма замечательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степняк, как вы полагаете... Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего» [3, т. 3, с. 257]. Герой очерка «Гамлет Щигровского уезда» принадлежал к тем русским энтузиастам, которые устремлялись в Германию, в центр немецкой образованности – Берлин – ради блага своей отчизны, мечтая на практике применить философскую систему Гегеля, которая в 30-е гг. XIX в. воспринималась в России как настоящее открытие. «А между тем, – продолжал он после небольшого молчания, – в молодости моей какие возбуждал я ожидания! Какое высокое мнение я сам питал о своей особе перед отъездом за границу, да и в первое время после возвращения» [3, т. 3, с. 253]. О таких энтузиастах Н. Г. Чернышевский писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Все эти люди были тогда еще юношами. Все были исполнены веры в свои благородные стремления, надежды на близость прекрасного будущего. Мудрость устами Гегеля, все разгадавшего, как им казалось, все примирившего Гегеля, раскрыла перед ними тайны, дотоле непостижимые людям. Поэзией были упоены их сердца, слава готовила им венцы, и, увлекаемые силою энтузиазма, стремились они вперед.

Эти люди решительно жили только философией, день и ночь толковали о ней, когда сходились вместе, на все смотрели, все решали с философской точки зрения. То была первая пора нашего знакомства с Гегелем, и энтузиазм, возбужденный новыми для нас, глубокими истинами, с изумительной силой диалектики развитыми в системе этого мыслителя, на некоторое время натурально должен был взять верх над всеми остальными стремлениями людей молодого поколения, сознавших на себе обязанность быть провозвестниками неведомой у нас истины, все озаряющей, как им казалось в пылу первого увлечения, все примиряющей, дающей человеку и невозмутимый внутренний мир, и бодрую силу для внешней деятельности» [6, с. 461].

Близкий круг Станкевича, который был одним из первых распространителей Гегеля в России, Тургенев хорошо знал жизнь и настроение русских людей, устремлявшихся за истиной в Германию. Герой очерка «Гамлет Щигровского уезда» «слушал немецких профессоров и читал немецкие книги на самом месте рождения их» [3, т. 3, с. 263]. Но знания, полученные им в Германии, остались нереализованными. Вернувшись на Родину, Василий Васильевич, как и многие другие русские образованные люди, осознает глубокую пропасть между немецким идеализмом и русской действительностью, с которой он сталкивался повседневно. Сатирические образы помещиков и чиновников, созданные Тургеневым в очерке, повествование Василия Васильевича о своей жизни дают основание утверждать, что Тургенев был согласен с выводами своего героя. «Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее в нашем быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более – науку?» [3, т. 3, с. 260] – истинное страдание и горечь чувствуются в этом суждении героя очерка, которое, без сомнения, разделял его автор. Вопросы, которые обращает герой к рассказчику, были актуальны для Тургенева, как и многих других передовых русских людей, на протяжении всего XIX в.

Не повесть «Переписка», а очерк «Гамлет Щигровского уезда» является прелюдией к роману И. С. Тургенева «Рудин». Образ «лишнего человека», намеченный в нем, раскрывается в «Рудине» на богатом жизненном материале, приобретает большую убедительность и эстетическую значимость. И повести 50-х гг., следующие за «Гамлетом Щигровского уезда», и роман «Рудин» так или иначе развивают тему Германии. Свою жизненную катастрофу герой повести «Переписка» переживает в Дрездене, где и умирает. Герой повести «Яков Пасынков» воспитывался в частном пансионе немца Винтеркеллера, прекрасно знал немецкий язык, был поклонником поэзии Шил-

лера и музыки Шуберта. Первой любовью Пасынкова была племянница Винтеркеллера, «белокурая, миленькая немочка», любившая поэзию Маттисона, Уланда и Шиллера. В становлении Якова Пасынкова, «последнего романтика», немецкая культура сыграла не последнюю роль. Чтение трагедии Гёте «Фауст», пробудившее воспоминание о пребывании в Германии, о молодости, заставили героя повести «Фауст» оглянуться на свою прошедшую жизнь и задуматься о ее назначении. Жизненную конкретность и полноту образ Германии, несомненно, обретает в повести «Ася», о чем уже написана не одна статья. Однако наиболее ярко все последствия образования, полученного в Германии, показаны в романе «Рудин». Образ Германии возникает в романе уже в сцене первого появления Дмитрия Рудина в доме Ласунских: «Рудин поглядел в темный сад – и обернулся. – Эта музыка и эта ночь, – заговорил он, – напомнили мне мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады...

– А вы были в Германии? – спросила Дарья Михайловна.

– Я провел год в Гейдельберге и около года в Берлине.

– И одевались студентом? Говорят, они там как-то особенно одеваются.

– В Гейдельберге я носил большие сапоги со шпорами и венгерку со шнурками и волосы отрастил до самых плеч... в Берлине студенты одеваются, как все люди» [3, т. 5, с. 229]. Последние слова Рудина в приведенной выше сцене ассоциируются с описанием студенческого праздника, «коммерша», в повести «Ася». «Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов», – вспоминает господин Н. Н. [3, т. 5, с. 151]. Знание, понимание немецкой поэзии, музыки, философии чувствуется во всех речах Рудина, его беседах с действующими лицами романа. Он, по словам Тургенева, «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир...» [3, т. 5, с. 249]. О том, что влияние немецкой культуры на Рудина было глубоким, свидетельствует то огромное впечатление, которое производили его знания немецкой философии и литературы на Наталью Ласунскую: «Какие сладкие мгновения переживала Наталья, когда, бывало, в саду, на скамейке, в легкой, сквозной тени ясени, Рудин начнет читать ей гетевского “Фауста”, Гофмана, или “Письма” Беттины, или Новалиса, беспрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось темным!» [3, т. 5, с. 249]. Чувство восторга испытывала Наталья, слушая Рудина, и «дивные образы, новые, светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу» [3, т. 5, с. 249]. Присущее Рудину знание философии Гегеля, его блестящее владение диалектическим методом отмечают многие исследова-

тели романа Тургенева. Но Рудин не менее блестяще знал и понимал творчество Гёте, эстетику великого немецкого писателя, тесно связанную с его естественнонаучными воззрениями. Выслушав ответ Натальи на его вопрос, любит ли она стихи, Рудин высказывает мысль о том, что истинная красота заключается в окружающей человека природе. «Поэзия – язык богов, – говорил Рудин. – Я сам люблю стихи. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия» [3, т. 5, с. 241]. Это высказывание Рудина является отражением эстетических взглядов прежде всего автора романа. Тургенев искал прекрасное в природе, стремился понять ее смысл. Однако мысль Рудина о том, что природа – источник прекрасного в жизни и искусстве, свидетельствует о несомненном знании им прозаического стихотворения Гёте «Природа». Тургенев хорошо знал стихотворение Гёте, вспоминал о нем в письмах; отталиваясь от него, он написал и собственное стихотворение в прозе «Природа». Природа, писал Гёте, «вечно строит и вечно разрушает; и мастерская ее непреступна. Она вся живет в детях. А сама мать – где она? Она величайшая художница, от простейшей материи поднимающаяся до самых резких контрастов; без всякого видимого напряжения – до величайшего совершенства, до полнейшей точности; и все под покровом какой-то мягкости» [7, с. 488]. Творящий художник в момент творческого вдохновения, по мысли Гёте, уподобляется природе. Он творит так, как творит природа. Эту мысль Гёте позднее воплотил в образах Матерей в трагедии «Фауст». Эту же мысль Тургенев развивает в письме к Грановскому в мае 1840 г., в котором он делится впечатлениями от поездки в Италию: «Целый мир, мне не знакомый, мир художества – хлынул мне в душу – но сколько прекрасного и великого ускользнуло от моих взоров, как еще я нелепо понимал изящное! Но, несмотря на это, Formen- und Farbensinn во мне проснулся и развивался: я начинал находить наслажденья в художестве до тех пор мне неизвестные» [8, с. 154].

Проблемы эстетические занимали Рудина не менее, чем философские, в чем еще раз проявляется его связь с немецкой культурой. Как известно, это было особенностью немецкой философской мысли в XVIII–XIX вв. Делясь с Натальей Ласунской своими планами, он сообщает ей о работе над большой статьей «о трагическом в жизни и искусстве», которую он намеревался закончить будущей зимой. Рудин признавал драму своей жизни, трагическую безысходность своего существования.

«Ярко выраженная просветительская тенденция, идущая от Белинского, – утверждает П. Г. Пустовойт, – наиболее явственно обнаружилась в романе “Отцы и дети”» [9, с. 136]. Но эта тенденция присутствует и в романе «Рудин». В просвещении, в пропаганде по-

лученных им в Германии знаний видит свое назначение Дмитрий Рудин. Как настоящий оратор, воспитанный в кружке Покорского, он увлекает своими речами почти всех окружающих его в имении Ласунских, но более всего Басистова и Наталью: «Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь, но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди» [3, т. 5, с. 229]. Уже первая речь Рудина в доме Ласунских производит огромное впечатление: «Все столпились в кружок около него, но больше всех были поражены Басистов и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; он сидел все время с раскрытым ртом и выпученными глазами, – и слушал, слушал, как отроду не слушал никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взор ее, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнел и заблестал...» [3, т. 5, с. 225]. Рудин, в отличие от «лишних людей» повестей 1850-х гг., стремился как истинный просветитель полученные им знания реализовать на практике, чему не суждено было сбыться. Благородная миссия просветителя, которую пытался исполнить Рудин, привела его в конце романа на парижские баррикады, где он и погибает. Глубокое усвоение немецкой культуры, отрыв от родной почвы, вся атмосфера общественной жизни России в первой половине XIX в. становятся главными причинами разлада, происходящего в душевном мире героев Тургенева 1840–50-х гг., их подлинной трагедии, которая обрекла их на бессмысленное существование, сделала их «лишними», бесполезными людьми в своем отечестве. Впервые эту мысль со всей определенностью высказал герой очерка «Гамлет Щигровского уезда»: «Хотя в судьбе моей нет ничего трагического, но я, признаюсь, изведал нечто в этом роде. Я узнал ядовитые восторги холодного отчаяния, я испытал, как сладко в течение целого утра, не торопясь и лежа в своей постели, проклинать день и час своего рождения...» [3, т. 3, с. 272].

Духовная свобода, способность к самостоятельной критической оценке окружающей жизни, развитые под влиянием немецкой философской мысли, способствовали формированию типа «лишнего человека». Сохраняя веру в идеалы своей юности, в основные постулаты философских систем, усвоенных ими в Германии, а также в русских университетах, «лишние люди» постепенно закладывали «тот фундамент, на котором далее строилась русская культура» [10, с. 134]. «Пламенные речи передовой дворянской интеллигенции 30–40-х годов в защиту знания и просвещения, – справедливо замечает В. Тихомиров, – способствовали подготовке нового, разночинско-демократического этапа освободительного движения. Поэтому не случайно ревностным сторонником идей

Рудина в романе является разночинец Басистов» [11, с. 17]. В конце романа «Рудин», отдавая дань памяти Рудина, Басистов говорит о нем: «Этот человек не только умел потрясти тебя, но с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя!» [9, с. 304].

Немецкая культура обостряла трагическое чувство «лишних людей» и вместе с тем усиливала их жела-

ние осуществить свои идеалы. Рядом с героем «Дворянского гнезда» Лаврецким, являющимся переходным типом в творчестве Тургенева, он ставит носителя немецкой культуры, учителя музыки, немца Лемма, помогающего Лаврецкому понять всю глубину своего счастья и несчастья, ускорившего процесс его формирования как деятельной личности.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 683 с.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 19 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1986. 588 с.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1983. 527 с.
4. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1965. 670 с.
5. Данилевский Р. Ю., Тиме Г. А. Германия в повестях «Ася» и «Вешние воды» // Тургенев И. С. Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1982. С. 80–95.
6. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М.: Искусство, 1978. 559 с.
7. Гёте И. В. Природа / пер. Н. Ман // Гёте И. В. Избр. М.: Гос. изд-во детской лит. Министерства просвещения РСФСР, 1963. 312 с.
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. 607 с.
9. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 302 с.
10. Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопр. литературы. 1996. № 1. С. 121–158.
11. Тихомиров В. Н. Тургенев и просветительство. Киев: Вища школа, 1984. 120 с.

Малышева Л. Г., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: ff@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010

L. G. Malysheva

GERMANY IN I. S. TURGENEV'S CREATIVE WORK IN THE PERIOD OF 1840–50-S (ON THE ISSUE OF «ODD MEN OUT»)

In terms of I. S. Turgenev's works the question of the formation of the type of an «odd man out» in Russian literature is studied in this article. One of the most important sources of its formation is staying of most of «odd men out» in Germany, their deep understanding of German culture, first of all, of German classic philosophy. German classic philosophy nourished Russian philosophic ideas during the whole XIX century.

Key words: «odd man out», formation of a personality, German culture, characterization of the German people and Germany.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: ff@tspu.edu.ru